

Л.М. СИНЦЕРОВИнститут географии РАН, 119017, Москва, Старомонетный пер., 29, Россия, sintserov@mail.ru**ГЕОГРАФИЯ МИРОВЫХ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.**

Рассмотрены географические аспекты развития международной торговли и вывоза капитала на рубеже XIX–XX вв. Эти вопросы исторической географии мирового хозяйства мало изучены в отечественной науке. Показано, что распространенные представления об исключительной важности колоний во внешнеэкономических связях метрополий не обоснованы и не подтверждаются статистически. Ни в торговле, ни во вложениях капитала колонии не играли той роли, которая им нередко приписывается. Установлено, что не колониальные империи, а Европа стала главным структурным элементом мировой экономической системы, возникшей в результате промышленной и транспортно-коммуникационной революции. Мировозхозяйственные связи того времени — это в первую очередь взаимосвязи между европейскими странами либо с участием европейских стран. Выявлено, что колониальные империи представляли собой не замкнутые, как иногда полагают, а экономически открытые системы. Раскрыты особенности внутренней структуры мировозхозяйственных связей. Показано, что сырье и продовольствие доминировали в товарном составе международной торговли, а в структуре зарубежных инвестиций преобладали капиталовложения в инфраструктуру. Прямые иностранные инвестиции, составлявшие сравнительно небольшую часть вывезенного капитала, были направлены главным образом в первичный сектор экономики. При этом встречные потоки капитала, т.е. взаимные инвестиции индустриально развитых стран, имели весьма ограниченное распространение. Отмечается, что утверждение о вывозе капитала исключительно в бедные и отсталые страны не соответствует действительности. Напротив, как установлено, значительная часть зарубежных инвестиций размещалась в развитых по меркам того времени странах.

Ключевые слова: география мировой торговли, международное разделение труда, география зарубежных инвестиций, колонии, мировое хозяйство.

L.M. SINTSEROV Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, 119017, Moscow, Staromonetnyi per., 29, Russia, sintserov@mail.ru**GEOGRAPHY OF WORLD ECONOMIC RELATIONS AT THE TURN OF THE 20TH CENTURY**

This article deals with the geographical aspects of international trade and foreign investment at the turn of the 20th century. These issues of historical geography of the world economy are poorly explored in national science. It is shown that the widely held views of the critical importance of the colonies in foreign economic relations of the parent states are unsubstantiated and are not statistically sound. Neither in trade nor in capital investment did the colonies play the role that is often attributed to them. It is established that it is Europe rather than the colonial empires became the main structural element of the world economic system resulting from the industrial and transport-communication revolution. The world economic ties of those times are, in essence, the interrelations between European countries or with the participation of European countries. It is found that the colonial empires were economically open systems rather than closed systems, as is sometimes suggested. The characteristics of the internal structure of the world economic relations are identified. It is shown that raw materials and food products were dominant in the commodity composition of international trade, whereas the structure of foreign investment was dominated by capital investment in the infrastructure. As far as foreign direct investments are concerned, however (which constituted a relatively small part of capital exports), they were made mainly in the primary sector of the economy. Furthermore, the counter flows of capital, that is, mutual investments of industrially developed countries, were uncommon. It is pointed out that the statement that capital was exported solely to poor and backward countries is misleading. On the contrary, as is established, most foreign investments were made in developed countries, according to the standards of those times.

Keywords: geography of world trade, international division of labor, geography of foreign investment, colonies, world economy.

ВВЕДЕНИЕ

На рубеже XIX–XX вв. международное разделение труда приобрело поистине всемирный характер. В результате транспортно-коммуникационной революции и промышленного переворота, открыв-

шего эпоху современного экономического роста, а также в связи с разделом мира между ведущими империалистическими державами возникла целостная система мирового хозяйства. С институциональной точки зрения высокая степень экономической взаимозависимости, достигнутая на рубеже веков, была обусловлена приверженностью большинства стран классическому золотому стандарту в качестве валютной системы. Доля таких стран в мировом внешнеторговом обороте составила в начале 1900-х гг. 85–90 %. В условиях либерального миропорядка международный золотой стандарт служил важнейшей гарантией свободной торговли и свободного движения капитала, обеспечивая интеграцию стран мира на основе принципа стабильности валют.

В отечественной научной литературе вопросы географии внешнеэкономических связей в период, предшествовавший началу Первой мировой войны, освещены крайне слабо. При этом мирохозяйственная проблематика этой эпохи была традиционно политизирована, тесно увязана с ленинской теорией империализма и в значительной мере сводилась к взаимоотношениям колоний и метрополий. Между тем реальная географическая картина мира значительно сложнее и не укладывается в прокрустово ложе идеологических концепций.

Объектом данного исследования являются географические аспекты функционирования важнейших видов мировых хозяйственных связей — международной торговли и зарубежных инвестиций, международное разделение труда, отраслевой состав иностранных капиталовложений, роль европейских держав, а также стран переселенческого капитализма и колоний в международной экономической системе. Важнейшие методы исследования — исторический, сравнительно-географический, статистический, а также системный подход и метод пространственного анализа. Работа базируется на мало известной отечественным специалистам иностранной литературе, изданной в период с 1910-х гг. и до начала XXI в.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ТОРГОВЛЯ

С давних времен традиционными предметами международной торговли служили товары высокой стоимости и особого качества, перевозка которых на дальние расстояния была экономически рентабельной: драгоценные металлы и камни, жемчуг, кружева и стекло из Венеции, лионский шелк, испанские и португальские вина, ткани из Фландрии, медные изделия Нюрнберга, английские сукна, пряности, чай, кофе, тростниковый сахар, какао, табак, хлопок и т. п. Именно эти товары и создали мировой рынок с возникновением феномена мировой торговли в эпоху Великих географических открытий.

Новый этап в истории мировой торговли связан с транспортно-коммуникационной революцией, которая вступила в решающую фазу с середины XIX в. С развитием железных дорог, парового судоходства и общим удешевлением перевозок ассортимент продукции на мировом рынке значительно расширился: во внешнеторговый оборот были вовлечены разнообразные массовые товары с низкой удельной стоимостью (уголь, кокс, руды металлов, лесоматериалы, зерно и т. д.). Это послужило мощным стимулом роста мировой торговли: с 1850 по 1913 г. население Земли увеличилось немногим более чем в 1,5 раза, тогда как реальный объем мировой внешней торговли вырос в десять раз — вдвое больше, чем мировое производство [1].

В структуре мировой внешней торговли того времени доминировали сырье, включая энергоносители, и продовольствие, на долю которых в 1876–1913 гг. в текущих ценах приходилось 62,3–64,3 % ее оборота (и примерно столько же в третьей четверти XIX в.); в ценах 1913 г. соответствующий показатель колебался в диапазоне 61,8–67,7 % [2]. Иными словами, международная торговля продукцией сельского хозяйства и добывающих отраслей промышленности в 1,6–2 раза превышала по стоимости международную торговлю изделиями обрабатывающей промышленности. Взлет аграрно-сырьевой торговли, значительно опережавший рост национальной экономики, опроверг пророчества Т. Мальтуса и обеспечил устойчивое мировое развитие в эпоху «золотого века» капитализма 1850–1913 гг.

Фундаментальные исследования американского экономиста А. Хиршмана позволили развеять укоренившиеся мифы и восстановить реальные механизмы международного разделения труда, действовавшие в конце XIX–начале XX в. [3]. Главным видом международных обменов в то время был обмен сырьем и продовольствия на сырье и продовольствие: в 1913 г. он охватывал 40 % мировой внешней торговли. Только второе место занимал так называемый традиционный вид обмена — обмен готовых изделий на сырье и продовольствие, на долю которого приходилось 29,8 % мировой внешней торговли. Обмен готовых изделий на готовые изделия, который охватывал 19,4 % мировой торговли, стоял на третьем месте. Наконец, еще 10,8 % мировой торговли приходилось на обмен всех видов товаров на предметы «невидимого» экспорта.

Не только колониальные или полуколониальные страны, но и подавляющее большинство стран мира имели в то время аграрно-сырьевую или преимущественно аграрно-сырьевую специализацию в системе международного разделения труда. В 1913 г. на аграрно-сырьевые товары приходилось 62 % экспорта Италии, 66 — Швеции, 72 — Норвегии, 80 — Канады, 88 — Австралии, 91 — Дании, 100 — Новой Зеландии, 99,7 — Южно-Африканского Союза и 97 % экспорта Аргентины. Даже в США, которые к тому времени давали около трети продукции мировой обрабатывающей промышленности, продовольствие и сырье составляли, по разным оценкам, от 53 до 62 % товарного экспорта.

Вопреки распространенным представлениям, не колониальные империи, а Европа занимала центральное положение в географической системе международной торговли конца XIX—начала XX в. В 1913 г. 40 % оборота мировой внешней торговли приходилось на торговлю между европейскими странами, 22 % — на импорт в Европу из неевропейских стран и 15 % — на импорт в неевропейские страны из Европы. Торговля между неевропейскими странами обеспечивала лишь 23 % оборота мировой торговли [2].

Общий рынок в Европе не является уникальным порождением современной эпохи, традиции взаимовыгодной торговли между европейскими странами имеют давнюю историю. В 1909–1911 гг. 67,9 % экспорта европейских стран реализовалось в Европе и 60 % импорта поступало из Европы. Более того, для всех европейских стран, кроме Великобритании, европейская торговля играла ключевую роль (см. таблицу). При этом торговля с другими частями света занимала достаточно скромное место во внешнеторговом обороте стран Европы. Если говорить об их экспорте, то доля Северной Америки составляла в нем 7,6 %, Южной Америки — 7,5, Азии — 9,8, Африки — 4,8, Австралии и Новой Зеландии — 2,4 %. В структуре импорта доля Северной Америки достигала 14 %, Южной Америки — 8,2, Азии — 10, Африки — 4,5, Австралии и Новой Зеландии — 3,4 % [4].

Великобритания была не просто крупнейшей торговой державой, она занимала центральное положение в системе всей мировой торговли конца XIX—начала XX в. Британская внешняя торговля примерно в равных пропорциях распределялась между континентальной Европой, Британской империей и остальным миром. Германия, опередившая к 1900 г. Великобританию по объему промышленного производства, служила рынокообразующим ядром европейской интеграции того времени, о чем свидетельствует география ее внешней торговли. Германия была крупнейшим поставщиком товаров для России, Норвегии, Швеции, Дании, Голландии, Швейцарии, Италии, Австро-Венгрии, Румынии и Болгарии; вторым по значимости поставщиком товаров для Бельгии и Франции. Германия также являлась главным покупателем продукции у России, Норвегии, Голландии, Бельгии, Швейцарии, Италии, Австро-Венгрии; вторым по важности покупателем продукции Швеции и Дании; третьим — Франции. В свою очередь по импорту из Великобритании Германия уступала только Индии, а по экспорту в Великобританию — США. Дж.М. Кейнс писал: «Вокруг Германии, как центральной опоры, группировались остальные члены европейской экономической системы, и от преуспевания и предприимчивости Германии существенным образом зависело процветание всего континента» [5, с. 7].

Великая экономическая депрессия 1873–1896 гг. привела к повсеместному росту протекционизма. В этих условиях и пробудился интерес к коммерческому потенциалу колоний. Однако колониальные захваты конца XIX—начала XX в. не дали ожидаемого экономического эффекта. В 1912–1913 гг. на колониальную торговлю приходилось, по минимальным оценкам, 9,5 % [6], а по максимальным — 1/6 всей мировой торговли [7]. Перед началом Первой мировой войны удельный вес «своих» колоний во внешней торговле метрополий составлял: Великобритания — 15–16 %, Нидерланды — 9, Португалия — 8, США — 6, Бельгия и Испания — по 1–2, Германия — 0,5 %.

Рассмотрим подробнее географию международной торговли Французской империи. Ее достаточно детальную картину позволяють воссоздать наши расчеты, выполненные на основе официальных данных французской статистики [8]. В 1910 г. 13 % импорта Франции поступало из «своих» колоний и протекторатов, а 87 % — извне, т. е. из зарубежных стран, не входивших в состав Французской империи. Примерно так же распределялся и французский экспорт: 12 % — в имперские владения,

Доля товарного экспорта европейских стран в другие страны Европы, 1909–1911 гг., по [4]

Страна	Доля, %	Страна	Доля, %
Австро-Венгрия	86,7	Норвегия	80,8
Бельгия	81,9	Португалия	59,8
Болгария	63,8	Россия	87,6
Великобритания	35,2	Румыния	92,0
Германия	74,0	Сербия	78,0
Греция	78,3	Финляндия	98,0
Дания	97,6	Франция	69,8
Испания	70,6	Швейцария	74,8
Италия	65,8	Швеция	86,9
Нидерланды	88,8		

88 % — за пределы собственной колониальной империи. В целом же лишь 20 % международной торговли Французской империи, включая как метрополию, так и владения, осуществлялось между странами, входившими в ее состав (т. е. носило внутренний для империи характер), а 80 % приходилось на торговлю с иными иностранными государствами (1910 г.).

ЗАРУБЕЖНЫЕ ИНВЕСТИЦИИ

По Дж. Гобсону, главным экономическим мотивом империалистической экспансии было стремление передовых капиталистических стран найти применение избыточному капиталу [9]. Эта концепция получила дальнейшее развитие в известном очерке В.И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма». Действительно, «погоня за колониями» в последней четверти XIX—начале XX в. хронологически совпадает с периодом беспрецедентного роста зарубежных инвестиций тех же самых империалистических государств, которые участвовали в колониальном разделе мира. Однако синхронизация двух глобальных процессов вовсе не означает наличия между ними тесной взаимосвязи и географической сопряженности.

Последняя четверть XIX и начало XX в. вошли в экономическую историю и историческую географию как классический период экспорта капитала, неожиданно завершившийся летом 1914 г. Это была великая эра международных заимствований, когда зарубежные инвестиции приобрели выдающееся значение в жизни общества, стали движущей силой мирового развития. «Растущий космополитизм капитала, — писал в 1902 г. Дж. Гобсон, — есть величайший экономический фактор нашего времени» [9, с. 59].

Главным побудительным мотивом для вывоза капитала служила повышенная доходность зарубежных инвестиций. Так, средняя доходность британских долгосрочных капиталовложений за рубежом в 1881–1913 гг. достигала 5 %, что примерно на два процентных пункта превышало доходность внутренних вложений. Для Великобритании, во многом определявшей ход всемирного инвестиционного процесса, в целом за 1870–1913 гг. ежегодный отток капитала составлял примерно 4 %, в 1905–1913 гг. он был близок к 7 %, а в 1913 г. достиг феноменального уровня в 9 % от величины ее национального дохода. Мощным катализатором вывоза капитала, особенно в форме прямых иностранных инвестиций, послужило повсеместное увеличение импортных тарифов, последовавшее после 1870-х гг.

Значительно опережая темпы роста промышленного производства и внешней торговли, совокупная величина накопленных в мире иностранных инвестиций выросла примерно с 6 млрд долл. США в 1870 г. до 22 млрд долл. в 1900 г. и до 44 млрд долл. США в 1913–1914 гг. Международное движение капитала нарастало, усиливалось и в последнее десятилетие перед Первой мировой войной приобрело беспрецедентный характер. В 1913 г. вывоз долгосрочного капитала из экономически развитых стран составил 3 % относительно величины их ВВП по сравнению с 1 % в 1929 г., 0,6–1,1 % — в начале 1960-х гг., 2 % — в 1984 г. и 3,3 % в 1989–1991 гг. [10]. Иностранные ценные бумаги доминировали на ведущих мировых биржах: на их долю приходилось 53 % всех ценных бумаг, торговавшихся в Париже в 1908 г., и 59 % — в Лондоне в 1913 г.

Зарубежные вложения капитала были делом сравнительно немногих: из 44 млрд долл. США накопленных в мире к 1913–1914 гг. иностранных инвестиций 18 млрд долл. (40,9 %) принадлежало Великобритании, 9 (20,4 %) — Франции, 5,8 (13,2 %) — Германии, 5,5 (12,5 %) — Нидерландам, Бельгии и Швейцарии вместе взятым, 3,5 (8 %) — США, и еще 2,2 млрд долл. США (5 %) — Швеции, Португалии, России, Японии и пр. [11].

Утратив былое превосходство в сфере промышленного производства и международной торговли, Великобритания укрепила лидирующие позиции в качестве экспортера капитала. Экономическая роль британских инвестиций была чрезвычайно велика, особенно в заморских странах. Из всех иностранных капиталовложений, осуществленных в США в 1870–1913 гг., до 60 % приходилось на долю Британии, в Канаде — более 70 %. К началу Первой мировой войны Великобритании принадлежало 95 % иностранного капитала, вложенного в экономику Австралии и Новой Зеландии, 42 % иностранных инвестиций в Латинской Америке, более 60 % — в Африке, 24 % — в России. В Британской Индии и на Цейлоне подавляющая часть иностранных инвестиций были британскими, в Китае — почти 40 %, в Японии — половина [12].

Встречные потоки капитала (те самые взаимные инвестиции, столь характерные для современной эпохи) в конце XIX—начале XX в. имели весьма ограниченное распространение. Группа экономически развитых стран Западной Европы (Великобритания, Франция, Германия, Швейцария, Бельгия и Нидерланды) стала источником 90 % всего вывезенного на экспорт капитала в мире. При этом в странах этой группы к 1913–1914 гг. было размещено всего 0,4 % зарубежных инвестиций Велико-

британии, 3,3 — Франции и 5,5 % — Германии [13]. В частности, британские инвесторы разместили во Франции и Германии, вместе взятых, меньше капитала, чем в одном только Уругвае. Исключение из общего правила составляли США, занимавшие к тому времени первое место среди стран мира по сумме вложенного в их экономику иностранного капитала и четвертое место — по размерам собственных зарубежных инвестиций.

В очерке 1916 г. «Империализм, как высшая стадия капитализма» В.И. Ленин писал: «Интересы вывоза капитала равным образом толкают к завоеванию колоний, ибо на колониальном рынке легче (а иногда единственно только и возможно) монополистическими путями устранить конкурента...» [14, с. 74]. Однако, вопреки распространенным представлениям, в колонии поступала лишь небольшая часть вывозимого капитала. Так, доля «своих» колоний в зарубежных инвестициях Франции, накопленных к 1914 г., составляла примерно 9 %, что даже меньше величины французских капиталовложений в Латинской Америке. В германских колониях к началу войны было размещено 7–8 % зарубежных инвестиций Германии [15].

На первый взгляд, иначе обстояло дело в Великобритании. Действительно, на страны, входившие в состав Британской империи, приходилась примерно половина всего вывезенного из метрополии и инвестированного за рубежом капитала. Однако подавляющая его часть была вложена в доминионы (Канада, Австралия и Новая Зеландия, Южная Африка) и только четверть — в колонии. К 1913 г. всего 12,7 % зарубежных инвестиций Великобритании приходилось на ее собственные колонии, в том числе 9 % было размещено в Британской Индии и на Цейлоне, которые стали британскими владениями задолго до подъема «нового империализма». Таким образом, между двумя ключевыми признаками империализма — колониальной экспансией и вывозом капитала — отсутствует тесная взаимосвязь, их географические векторы были направлены в разные стороны.

Подробный анализ зарубежной активности британских инвесторов позволяет выявить истинные мотивы гигантского развития вывоза капитала. Совокупная величина британских инвестиций за рубежом в 1870–1913 гг. выросла примерно с 0,8–1 до 4 млрд фунтов стерлингов, а их география заметно изменилась. Доля стран переселенческого капитализма, включая США, в зарубежных инвестициях Великобритании повысилась с 30 до 65 %, причем весь прирост пришелся на Канаду, Аргентину, Уругвай, Австралию, Новую Зеландию и Южную Африку, удельный вес которых вырос с 10 до 45 %. Доля США оставалась неизменно высокой и сохранилась на уровне 20 %, а доля европейских стран сократилась с 50 до 5 %. Таким образом, из всего британского капитала, инвестированного к 1914 г. за пределами Европы, около 70 % было вложено в переселенческие страны, чьи обширные плодородные и прежде не освоенные равнины стали главными мировыми житницами. Они надолго избавили человечество от угрозы продовольственного кризиса, предсказанного Т. Мальтусом. Именно это и было главной целью вывоза капитала из Великобритании, его важнейшим итогом.

Не соответствует действительности распространенное мнение о том, что вывоз капитала в конце XIX–начале XX в. осуществлялся в первую очередь в бедные и отсталые страны. Так, свыше половины британских зарубежных инвестиций приходилось на страны с более высоким уровнем реальной заработной платы, чем в Великобритании. По оценкам С. Кузнеця, по крайней мере половина аккумулированного в мире к 1913–1914 гг. иностранного капитала была вложена в экономику развитых стран, к числу которых он относит США, Канаду, большую часть Европы, Австралию и Новую Зеландию, а если к ним добавить Японию и Аргентину, то этот показатель достигнет, по всей видимости, 60 % [16].

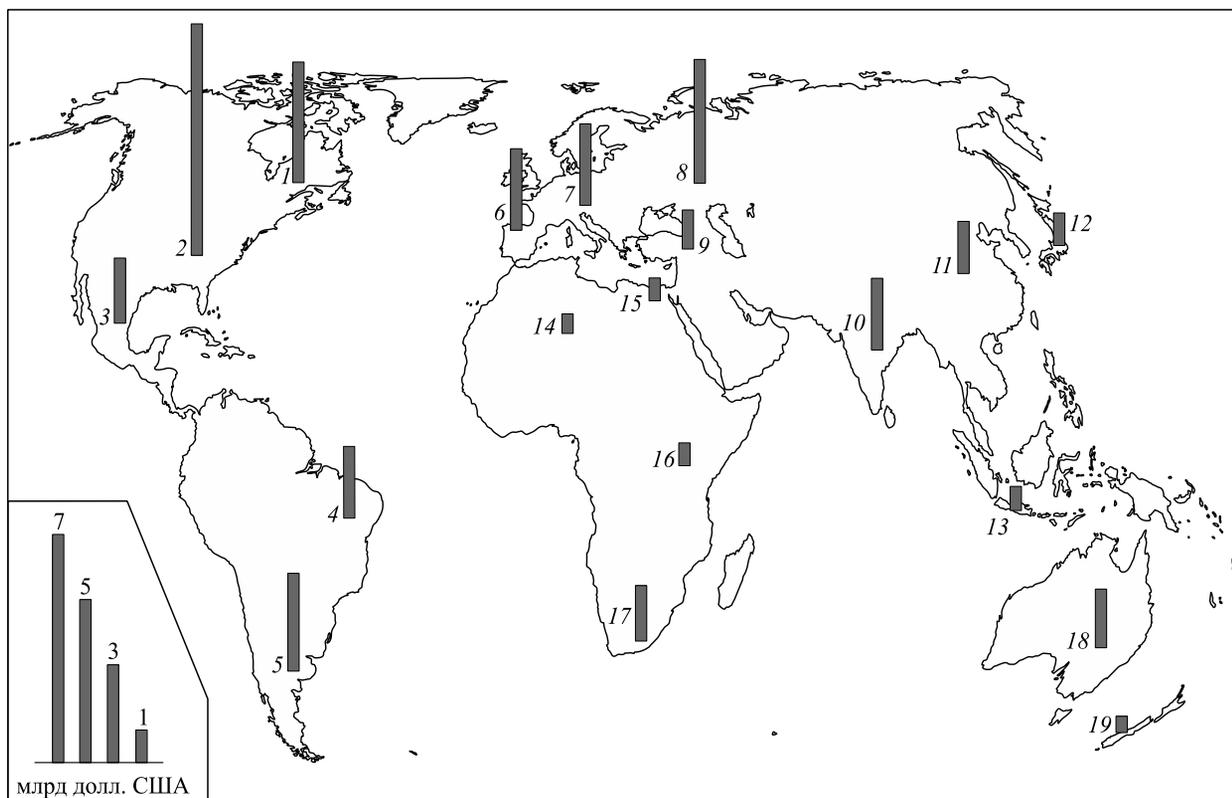
Главным объектом зарубежных инвестиций в классический период экспорта капитала стали железные дороги и прочие коммуникации, придавшие мировому хозяйству эффект целостности. Согласно данным биржевой статистики, к 1914 г. отраслевая структура британских инвестиций за рубежом выглядела следующим образом: 69 % капитала было вложено в железные дороги, портовые сооружения, телеграфные и телефонные сети, трамвайные линии, а также в электро-, газо- и водоснабжение; 12 — в добычу полезных ископаемых и сельское хозяйство; 15 — в финансы, недвижимость, торговлю, земельные участки и 4 % — в обрабатывающую промышленность. Аналогичную отраслевую структуру зарубежных инвестиций имели Франция и Германия, на долю которых вместе с Великобританией приходилось почти 75 % всего вывезенного за рубеж капитала [17].

Свою отраслевую специфику имели прямые иностранные инвестиции (ПИИ), которые составляли не более трети накопленных в мире зарубежных капиталовложений: 55 % их общего объема было вложено в первичный сектор экономики, 15 — в обрабатывающую промышленность и 10 % — в банковский сектор. Совокупный объем накопленных в мире ПИИ в 1913 г. достиг 9 % от величины валового мирового продукта, этот уровень так и не был превышен в начале 1990-х гг. [18].

К началу Первой мировой войны Россия занимала первое место в Европе и второе в мире по совокупным размерам вложенного в ее экономику иностранного капитала (3,8 млрд долл.), уступая только США (~7 млрд долл.). Третье место принадлежало Канаде (3,7 млрд долл.), четвертое — Аргентине (3,1 млрд долл.), которая в то время входила в группу десяти ведущих стран мира с наиболее высокими душевыми показателями ВВП. Пятерку лидеров по объему накопленных в национальной экономике иностранных капиталовложений замыкали Австро-Венгрия и Испания (по 2,5 млрд долл.). Размещение 90 % входящих иностранных инвестиций, накопленных в мировом хозяйстве к 1913—1914 гг., представлено на рисунке.

С точки зрения привлекательности для зарубежных инвесторов царская Россия напоминала современный Китай. Иностранные инвестиции стали важнейшим фактором интеграции российской экономики в мировое хозяйство, движущей силой ее индустриализации и модернизации. Норма прибыли и учетная ставка в России были в 2—2,5 раза выше, чем в передовых странах Запада, а едва ли не самый высокий в мире уровень таможенных тарифов, составлявших в среднем 73 % (1913 г.), ограничивал импорт товаров и способствовал привлечению в страну прямых иностранных инвестиций.

В России начала XX в. доля иностранного капитала в горной, металлургической промышленности и машиностроении достигала 70 %, в других отраслях она колебалась от 55 % в химической до 28 % в текстильной и 7 % в пищевой промышленности. Практически целиком на иностранные капиталы были созданы крупнейшие районы черной металлургии и угледобычи — южнорусский металлургический комплекс и Донбасс. Под контролем иностранного капитала находилась медная промышленность. 86 % производства паровозов обеспечивали предприятия, связанные с французским капиталом. В электроиндустрии, включая электроосветительные и трамвайные предприятия, доля иностранного

Иностранные инвестиции, накопленные в странах мира и имперских владениях к 1913–1914 гг. Составлено автором по данным [2, 11, 12].

Столбиками показаны иностранные инвестиции от 0,5 млрд долл. США и выше. 1 — Канада, 2 — США, 3 — Мексика, 4 — Бразилия, 5 — Аргентина, 6 — Испания, 7 — Австро-Венгрия, 8 — Российская империя, 9 — Турецкая империя, 10 — Британская Индия и Цейлон, 11 — Китай, 12 — Япония, 13 — Нидерландская Индия, 14 — Французская Африка, 15 — Египет, 16 — Британская Африка, 17 — Южная Африка, 18 — Австралия, 19 — Новая Зеландия.

капитала составляла 47 %. Около 75 % всей торговли нефтью и 56 % ее добычи в России также приходилось на компании с преобладанием иностранного капитала. В производстве зеркального стекла монопольное положение занимало предприятие с бельгийским капиталом, в производстве ниток — английский ниточный трест.

Русская промышленная революция конца XIX—начала XX в. свершилась во многом благодаря притоку зарубежных инвестиций, использованию передового опыта и современных технологий. Россия увеличила свою долю в производстве промышленной продукции всего мира с 3,4 % в 1881–1885 гг. до 5,5 % в 1913 г. и к началу войны уже на 56 % удовлетворяла свои потребности в станках и оборудовании за счет собственного производства. Доля иностранного капитала в совокупном торговом-промышленном капитале России возросла с 25 % в 1889 г. до 43 % в 1914 г. Бурный рост железнодорожной сети был также в значительной мере связан с инвестициями из-за рубежа: железнодорожные займы равнялись всей сумме иностранных инвестиций в отечественную промышленность. Что же касается банковской системы, то к началу Первой мировой войны на иностранный капитал приходилось 42,6 % в общей сумме средств 18 крупнейших российских банков [19].

Не только коммерческие, но и военно-стратегические факторы определяли инвестиционную привлекательность России, которая стала главным союзником Франции в ее противодействии германской гегемонии в Европе. Поражение во Франко-прусской войне, потеря Эльзаса, Лотарингии и уплата огромной контрибуции послужили Франции горьким уроком. В случае возникновения новой войны в Европе реальную помощь она могла получить только со стороны России. Именно это во многом объясняет тот факт, что из всего вложенного к 1914 г. в отечественную экономику иностранного капитала 31 % приходился на долю Франции (40 % всех французских инвестиций в Европе), которая стала для России крупнейшим зарубежным инвестором.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассматривать колонии в качестве особо важных рынков сбыта промышленных товаров ошибочно из-за бедности их населения. Так, в 1913 г. Британская Индия с населением в 300 млн чел. имела такой же оборот внешней торговли, как и Голландия с населением всего в 6 млн чел. Да и статус метрополии не давал исключительных прав на торговлю в эпоху, когда в колониях, как правило, проводилась политика «открытых дверей». Именно такая политика, означающая экономическое и торговое равенство в колонии всех стран без каких-либо преимуществ для метрополии, до начала Первой мировой войны проводилась в колониях Великобритании, Нидерландов, Бельгии и Германии. В результате, например, Германия поставляла в Британскую Индию гораздо больше товаров, чем во все свои колонии, а французский импорт из Британской Индии лишь немного уступал импорту из Алжира, при этом различия можно объяснить географической удаленностью Индии и относительной близостью Франции и Алжира.

В 1870–1913 гг., когда впервые в экономической истории сложился всемирный рынок капитала, рост иностранных инвестиций в 2,5 раза опережал темпы экономического роста и совокупные размеры зарубежных активов увеличились с 6,9 % валового мирового продукта в 1870 г. до 17,5 % в 1913 г. [20]. Переливы капитала из одной страны в другую были практически свободны от каких-либо технических и формальных ограничений, а приверженность подавляющего большинства стран мира финансовой системе классического золотого стандарта создавала атмосферу доверия, свидетельствовала о том, что и страны-заемщики, и страны-кредиторы соблюдают общие «правила игры». Это был мощный процесс перераспределения избыточных инвестиционных ресурсов в мировом масштабе. Тесно взаимосвязанные с внешней торговлей и международными миграциями населения, зарубежные инвестиции сыграли решающую роль в расширении границ экономической ойкумены и интеграции мирового хозяйства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Nurkse R.** *Equilibrium and Growth in the World Economy.* — Cambridge: Harvard University Press, 1961. — 380 p. (Harvard Economic Studies).
2. **Kenwood A.G., Loughheed A.L.** *The Growth of the International Economy 1820–1990.* — London; New York: Routledge, 1992. — 327 p.
3. **Hirschman A.O.** *National Power and the Structure of Foreign Trade.* — Los Angeles: University of California Press, 1945. — 170 p.

4. **Vairoch P.** Geographical structure and trade balance of European foreign trade from 1800 to 1970 // The Journ. of European Economic History. — 1974. — Vol. 3, N 3. — P. 557–608.
5. **Кейнс Дж.М.** Экономические последствия Версальского мирного договора: Пер. с англ. — М.: Гос. изд-во, 1922. — 137 с.
6. **Дитрих Э.В.** Мировая торговля: Пер. с англ. — М.: Международная книга, 1947. — 320 с.
7. **Лангенбек В.** История мировой торговли: Пер. с нем. — М.: Гос. изд-во, 1927. — 157 с.
8. **Annaire** statistique de la France. — Paris: Imprimerie nationale, 1911. — Vol. 31. — 620 p.
9. **Гобсон Дж.** Империализм: Пер. с англ. — Л.: Прибой, 1927. — 286 с.
10. **Vairoch P.** Globalization Myths and Realities: One Century of External Trade and Foreign Investment // States against Markets. — London: Routledge, 1996. — P. 173–192.
11. **Thomas V.** The Historical Record of International Capital Movements to 1913 // Capital Movements and Economic Development. — New York: St. Martin's Press, 1967. — P. 3–32.
12. **Svedberg P.** The portfolio-direct composition of private foreign investment in 1914 revisited // The Economic Journ. — 1978. — Vol. 88, Issue 352. — P. 763–777.
13. **O'Rourke K.H., Williamson J.G.** Globalization and History. — Cambridge: The MIT Press, 2000. — 343 p.
14. **Ленин В.И.** Империализм, как высшая стадия капитализма: Популярный очерк. — М.: Политиздат, 1989. — 125 с.
15. **Woodruff W.** Impact of Western Man: A Study of Europe's Role in the World Economy, 1750–1960. — New York: St. Martin's Press, 1967. — 375 p.
16. **Kuznets S.** Modern Economic Growth: Rate, Structure and Spread. — New Haven: Yale University Press, 1966. — 529 p.
17. **Edelstein M.** Overseas Investment during the Pax Britannica: Size, Timing and Character // International Investment. — Vermont: Edward Elgar Publ. Ltd., 1990. — P. 25–60.
18. **Vairoch P., Kozul-Wright R.** Globalization myths: some historical reflections on integration, industrialization and growth in the world economy // UNCTAD Discussion Papers. — 1996. — N 113. — 28 p.
19. **Шокарев С.** Иностраный капитал в России конца XIX – начала XX в. // Politekonom. — 1997. — № 3–4. — С. 119–130.
20. **Obstfeld M., Taylor A.M.** Globalization and Capital Markets // Globalization in Historical Perspective. — Chicago: University of Chicago Press, 2003. — P. 121–188.

Поступила в редакцию 22.02.2018

После доработки 11.09.2018

Принята к публикации 27.12.2018